

Глава 4

В этот самый миг Цзи Хуайчжэнь страстно желал лишь одного: обрушить на этого нескладного верзилу всё сразу — и «Ветер, взметающий снег», и «Битьё редьки», и «Осла, валяющегося в пыли». А лучше всего — зашить парню рот, прежде чем сдирать с него кожу.

Даже когда его в лицо честили «псом Цзи», Тайфу не чувствовал такого раздражения, как сейчас, глядя на эту искреннюю, поднесённую на блюдечке преданность.

В душе он кипел от гнева, но внешне продолжал подражать Лу Ши — улыбался, насквозь фальшиво и жеманно.

Яньчи же, снедаемый тревогой, лишь завидев эту улыбку, облегчённо выдохнул.

Юноша и понятия не имел, что в мыслях собеседник уже проклял его последними словами. Решив, будто ему позволили остаться, он невольно придвинулся ближе. Его пальцы, покрытые тонким слоем мозолей, мягко коснулись ладони Цзи Хуайчжэня, едва заметно поглаживая кожу.

— Позволь мне следовать за тобой... — вполголоса взмолился Яньчи.

Хуайчжэнь не спешил с ответом. Он лишь молча разглядывал его с насмешливым прищуром, в котором читалось неприкрытое испытание.

Один из чиновников, заметив оживление и решив, что парень по глупости своей навязывается высокому гостю, поспешил вмешаться:

— Господин Лу, для вашего отдыха уже всё подготовлено. Если не желаете ехать далеко, можно остаться прямо здесь, в «Хунсю Тяньсян», я мигом всё устрою.

Цзи Хуайчжэнь мельком взглянул на него, затем, более не удостоивая юношу вниманием, вырвал руку и, развернувшись, направился к выходу.

Чиновник замахал руками, приказывая слугам увести наглеца прочь.

Трое дюжих охранников бросились наперерез, но стоило им протянуть руки, как Яньчи ловким движением перехватил запястья нападавших. Не успел Цзи Хуайчжэнь сделать и нескольких шагов, как за спиной раздался шум потасовки. Оглянувшись, он увидел, как толпа здоровяков катается по полу, стеная от боли.

Яньчи же, не получив ни царапины, легко перемахнул через них и в два счёта нагнал Тайфу.

Красиво говорить юноша не умел. Тщетно пытаюсь подобрать слова, он покраснел до самых корней волос, но так и не смог выдать из себя ничего вразумительного.

Этот вид невольно вызвал у Хуайчжэня смешок. Стоило ему улыбнуться, как Яньчи застыл, замороженный.

— Что ты всё «я» да «ты»? Заика, что ли?

Собеседник испуганно затряс головой.

— С чего ты взял, будто я позволю тебе идти за мной? Что же мне теперь, привечать каждого встречного на улице? Я ведь даже не знаю, кто ты такой.

Цзи Хуайчжэнь окинул его оценивающим взглядом. Увидев, как на лице парня отразилась глубокая печаль, он почувствовал мимолётное удовлетворение и, сухо кашлянув, сменил тон:

— Ладно. Завтра, как освобожусь, найду тебя. Отдыхай пока.

Не дожидаясь, пока тот снова начнёт приставать, он быстро ушёл.

В ту же секунду улыбка исчезла с его лица. Цзи Хуайчжэнь мгновенно помрачнел, меняясь в настроении со стремительностью переворачиваемой страницы.

Яньчи же остался стоять на месте, ошеломлённый. Осознав смысл сказанного, он почувствовал, как сердце наполняется радостью. Мысль о завтрашней встрече отозвалась в душе сладостным предвкушением.

Мимо проходил староста. Увидев это оцепенелое, глупое выражение лица, он не удержался и отвесил юноше подзатыльник.

— Не строй пустых иллюзий, — проворчал он, — с тобой просто поиграли, а ты и уши развесил. Господин Лу пришёл в «Хунсю Тяньсян» развлечься, а сегодня ушёл ни с чем только потому, что ты, сопляк, испортил ему весь настрой. Попомни моё слово: завтра он и носа сюда не сунет.

Яньчи не поверил ему, но слова старосты всё же оставили неприятный осадок на душе.

— Тебе-то что за дело...

Он мгновенно вернул себе прежний ледяной вид и, не желая больше ни с кем общаться, зашагал прочь.

Староста принялся было костерить его вдогонку за неблагодарность, как вдруг юноша резко развернулся. Староста вздрогнул, решив, что парень в гневе хочет его поколотить, и не успел даже вскрикнуть, как тот схватил его за шиворот. Приподняв бедолагу над землёй, словно подвешенную на верёвке черепаха на рынке, Яньчи ледяным тоном произнёс:

— Нужно кое-что разузнать. Тот Цзи Хуайчжэнь, о котором вы толковали... Рассказывай всё, что знаешь.

В час Второй стражи Цзи Хуайчжэнь ворочался в постели, снедаемый какой-то необъяснимой яростью, не дававшей ему уснуть.

Подушка была слишком жёсткой, полог кровати — на редкость уродливым. Привыкнув к роскошным покоям Шанцзина, он находил всё в этом захолустном Фэньчжоу невыносимым и жалким.

— Саньси! Саньси!

Позвав дважды и не дождавшись ответа, Хуайчжэнь вспомнил, что сам отправил слугу обратно в столицу приглядывать за сестрой. Чертыхаясь, он накинул халат, подошёл к окну и пять раз постучал по подоконнику — три длинных удара, два коротких. Зловещий знак, предвещающий беду.

Вскоре окно распахнулось, и в комнату бесшумно скользнула фигура в маске и тёмных одеждах. Волосы гостя были острижены так коротко, что сквозь них проглядывала синеватая кожа.

— Разузнала?

— Докладываю, господин. Этот человек прибыл в Фэньчжоу три дня назад. На следующий же день устроился в заведение «Гуйсянлоу» простым рабочим. Почему он сегодня внезапно оказался в «Хунсю Тяньсян», пока неясно. Человека, вместо которого он пришёл, зовут Фан Ци. Личность проверена: семья чиста, с этим Яньчи он не знаком. Из-за вашей внезапной смены маршрута в «Хунсю Тяньсян» возникла суматоха, и этого Фан Ци вызвали в спешке. Его договор вступал в силу только со следующего месяца, в лицо его никто не знал — потому подмену и не заметили.

Голос принадлежал женщине.

А «Гуйсянлоу» было тем самым местом, где местные чиновники изначально планировали устроить приём для Цзи Хуайчжэня.

— А до Фэньчжоу? Откуда он прибыл?

— Из Вэньяна.

Тайфу на мгновение задумался. Вэньян?

Хоть Вэньян и не был зоной боевых действий, он располагался у подножия гор Цаньфу, за которыми начинались земли Чилэчуань — территория народа Ижун. К западу же от Вэньяна пролегла граница Великой Ци, за которой, миновав несколько объятых пламенем войны ничейных городов, начинались владения татарских варваров. Место крайне подозрительное.

Он и раньше подозревал Лу Ши в каких-то тёмных делах с северянами, и теперь этот Яньчи казался ему ещё более опасным.

— Копай дальше.

Подчинённая уже собиралась исчезнуть, когда Цзи Хуайчжэнь внезапно окликнул её.

— Постой.

Он прикрыл глаза, стараясь придать своему вопросу оттенок праздного любопытства:

— После того как мы ушли... этот Яньчи вёл себя как-то необычно?

Служанка замаялась, не решаясь ответить, чем мгновенно вывела господина из себя.

— Если в этом мальчишке есть хоть что-то подозрительное — убей его на месте.

— Господин... Ничего особенного. Он расспрашивал местного старосту о вас, а потом... ввязался в драку. Хозяйка заведения решила, будто он всё испортил и помешал вашему отдыху, и хотела вышвырнуть его на улицу. Но парень упёрся: ни в какую не уходит, прицепился к этой «Хунсю Тяньсян» мёртвой хваткой. Всё потому, что вы обещали прийти завтра. Боится, должно быть, что если уйдёт, вы его не найдёте.

Цзи Хуайчжэнь промолчал.

— Сейчас спит в дровяном сарае.

Тайфу долго хранил молчание. Когда служанка осмелилась поднять голову, она увидела на его губах холодную, издевательскую усмешку.

«И вовсе не меня он хочет видеть»

Тихо хмыкнув, он более не заговаривал о юноше. Вместо этого он назвал несколько имён чиновников — тех самых, что громче всех орала про «пса Цзи».

— Я запомнила. Как прикажете с ними поступить?

— Остальным преподай урок. А тому, что смеялся над моей неграмотностью... Раз он такой книгочей, выколи ему глаза. И руки отруби, пусть попробует теперь почитать. А язык отрежь, изруби в фарш и заставь его же съесть в виде пельменей. До последнего кусочка.

Служанка, привыкшая к подобным приказам, молча приняла поручение и исчезла.

Цзи Хуайчжэнь так и не сомкнул глаз.

«На рынках нет обмана, в судах — тяжб, в городах — воров, в полях — сытых, а на дорогах не подбирают обронённое...»

В голове его теснились эти фразы об идеальном правлении, перемежаясь с ругательствами. Утром голова раскалывалась от боли. Без Саньси не на ком было даже сорвать злость, так что он отказался от завтрака.

Верные люди спросили, отправится ли он сегодня, как планировалось, к соляным источникам за пурпурной грязью. Цзи Хуайчжэнь промолчал, лишь напевая под нос мотивчик янчжоуской песенки. Вид у него был такой, будто он пребывает в прекрасном расположении духа, и никто бы не заподозрил, что всю ночь он провёл в ярости.

Он заколол волосы костяным гребнем, набросил на плечи плащ из чёрной лисицы и, поправив одежды, почувствовал, что чего-то не хватает. Подумав, он достал позолоченный пояс-диесе и застегнул его на талии.

Одного этого наряда хватило бы, чтобы купить в престижном районе Шанцзина роскошную усадьбу с тремя внутренними дворами.

Лу Ши всегда вёл себя скромно, Цзи Хуайчжэнь же никогда не отказывал себе в роскоши. Тем более здесь, в Фэньчжоу, где столичных чиновников не видели годами. Здесь он был сам себе законом.

Глядя на своё отражение, он остался доволен. Пусть его выезд был не столь пышным, как в столице, лицо оставалось безупречным.

«Этот Яньчи явно ослеп, — Хуайчжэнь усмехнулся про себя. — Ведь я во всём превосхожу

этого святошу Лу»

— Сначала в «Хунсю Тяньсян».

Слуги уже собрались подавать экипаж, когда он добавил с недоброй усмешкой:

— Остановите повозку у заднего хода. Идём к дровяному сараю.

Каждый раз, когда он так улыбался, кто-то неизменно попадал в беду.

Спустя четверть часа хозяйка заведения, разодетая в пух и прах, лично поспешила к сараю. Распахнув дверь, она ахнула: внутри было пусто. В ужасе она хотела было звать слуг на поиски Яньчи, не заметив, что кто-то стоит у неё за спиной. В то же мгновение чьи-то пальцы стальной хваткой впились в её горло, прижимая к двери.

— Господин... — прохрипела она, багровея и выпучив глаза.

Яньчи, узнав её, тут же разжал руку. Хозяйка разразилась надрывным кашлем и, указывая рукой на выход, просипела:

— Господин Лу... он приехал... Иди... служи ему как следует... Если понравишься... может, и выкупит тебя...

Не дослушав, юноша бросился прочь.

Последние дни в Фэньчжоу лили дожди, и небо всегда оставалось серым. Лишь сегодня наконец проглянуло солнце. Цзи Хуайчжэнь, придерживаясь за край экипажа, прикрыл нос рукавом. Он колебался, стоит ли вообще выходить наружу, и мысленно проклинал это место.

«Что за дыра? Дороги узкие, пыль столбом, воняет конским навозом, а земля такая грязная, что ступить некуда»

Внезапно он увидел человека, бегущего ему навстречу. Яньчи легко перепрыгивал через рытвины и лужи. Хуайчжэнь на миг замер, глядя на его сияющее лицо.

«Чему он так радуется в этой помойке?»

Яньчи остановился прямо перед повозкой, сердце его бешено колотилось.

— Ты... ты же говорил, что придёшь только после дел?

Цзи Хуайчжэнь про себя выругался, но нацепил на лицо привычную улыбку:

— Что, не рад меня видеть?

— Рад! Очень рад... Просто все говорили, что ты не придёшь.

Хуайчжэнь не стал уточнять, кто эти «все». Легко оттолкнув сидевшего впереди возницу, он посмотрел на юношу:

— Умеешь править повозкой?

— Умею, — Яньчи замялся. — Но я в Фэньчжоу всего несколько дней. Если скажешь, куда ехать, я не найду дороги.

Цзи Хуайчжэнь лишился дара речи.

«Так и выложил всё. Совсем хитрить не умеет»

Он на мгновение замолчал. Все заготовленные по пути уловки и вопросы оказались бесполезны против такой обезоруживающей прямоты. Хуайчжэнь посторонился, жестом приглашая собеседника внутрь.

Стоило занавесу опуститься, как в тесном пространстве экипажа воцарилась томительная атмосфера. Пряный аромат благовоний, исходивший от одежды Тайфу, стал почти осязаемым. Оказавшись рядом с ним, Яньчи весь одеревенел, боясь лишний раз шевельнуться, чтобы случайно не коснуться спутника.

— Значит, ты не местный. Откуда родом?

— Из Вэньяна... — тихо ответил Яньчи.

Хуайчжэнь неопределённо хмыкнул и, прислонившись к мягкой подушке, прикрыл глаза. Юноша, стараясь поддержать разговор, спросил, завтракал ли он. Получив отрицательный кивок, он зашуршал одеждой и достал из-за пазухи сверток промасленной бумаги. Внутри оказались кусочки рисового печенья.

— Специально для тебя купил. Не сердись на меня больше.

Пирожные были помяты — должно быть, долго пролежали у него на груди. Цзи Хуайчжэнь поморщился.

«И в мыслях не было это есть. Наверняка дрянь на вкус, с шанцзиньскими из «Сяньюньчжай» и в сравнение не идут»

— С чего ты взял, что я сержусь?

Яньчи мгновенно оживился.

— Я вчера наговорил лишнего. Не следовало сравнивать тебя с Цзи Хуайчжэнем.

Хуайчжэнь мысленно хмыкнул.

«Кто ты такой, чтобы произносить моё имя?»

Затем он вспомнил ночной доклад служанки о том, что парень расспрашивал старосту. Ему вдруг стало любопытно, что именно тот разузнал.

— И чем же я лучше него? Ты ведь вчера сказал, что он и вполтину меня не стоит.

Яньчи на мгновение задумался. Цзи Хуайчжэнь был уверен, что этот простак, не способный даже отличить одного человека от другого, не найдёт стоящего ответа. В лучшем случае пробормочет что-нибудь о знатности или красивом лице. В конце концов, в Лу Ши его привлекала лишь внешность.

От этой мысли Тайфу стало скучно. Он решил высадить Яньчи на следующем же перекрёстке и более не тратить на него время. Но тут юноша серьёзно произнёс:

— Вы совсем разные. Ты — воплощение добра, а он — само зло. Он ни во что не ставит человеческие жизни и попирает закон, ты же никогда так не поступишь. Пусть он выше тебя чином и знатностью, пусть вечно помыкает тобой, но ты добр к людям. Ты ценишь чужую жизнь, и в одном этом ты превосходишь его стократно.

Цзи Хуайчжэнь замер, не отрывая от него взгляда.

— Староста сказал мне... В Великой Ци каждый знает, что семья Цзи стоит выше рода Лу. Он часто обижает тебя и строит козни, — юноша крепко сжал его руку и твёрдо добавил: — Отныне я буду с тобой и больше не позволю ему тебя притеснять.

Проехал один перекрёсток, затем другой, а Тайфу всё так же хранил молчание. Яньчи не на шутку встревожился под этим пристальным взглядом. Неужели он снова сболтнул лишнего?

Внезапно Цзи Хуайчжэнь негромко рассмеялся. Он перехватил руку Яньчи, прижимая свою

ладонь к его ладони.

— В этой поездке мне как раз не хватает верного человека. Если всё ещё хочешь следовать за мной — что ж, начни со службы мне.

Его голос звучал легко, почти весело. Хоть это и казалось странным, Яньчи облегчённо выдохнул. Сердце его наполнилось радостью от того, что он может быть рядом с любимым. Боясь показаться глупым со своей сияющей улыбкой, он поспешно опустил голову, скрывая восторг.

Улыбка Цзи Хуайчжэня постепенно угасла. Он посмотрел на Яньчи долгим, многозначительным взглядом.

«Этот паршивец в глаза меня не видел, но, наслушавшись чужих рассказней, смеет так меня мешать с грязью. Кем он себя возомнил? И как собирается кого-то защищать?»

Раз он так обожает этого Лу Ши, Хуайчжэнь просто обязан сделать «доброе дело» — избавить соперника от этой назойливой привязанности. Ему не терпелось увидеть: если Лу Ши окажется таким же мерзавцем, как этот «пёс Цзи», и растопчет чувства юноши, сможет ли тот и дальше так же искренне предлагать ему своё сердце?

Цзи Хуайчжэнь прожил немало лет и привык к ругани и проклятиям, но никто прежде не вызывал в нём такого бешенства, как этот Яньчи. Это было совершенно необъяснимо.

Он заставит этого парня на собственной шкуре узнать, насколько дурным может быть Цзи Хуайчжэнь.

<http://bllate.org/book/15318/1356233>